

РОЛЬ ЗАИМСТВОВАНИЙ XVIII ВЕКА В ПОПОЛНЕНИИ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНОЙ ЛЕКСИКИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Т. В. Никитенко,
Витебский государственный университет им. П. М. Машерова

Положение с заимствованиями на протяжении XVIII в. являлось неустойчивым. С одной стороны, иностранные слова проникали на протяжении всего XVIII века, многие из них адаптировались и становились привычными. С другой стороны, начиная с 1740-х гг. наблюдался пуристический подход к заимствованиям [10, с. 22]. Результаты нашего исследования показали, что количество впервые зафиксированных эмоционально-оценочных (далее ЭО) заимствованных лексем в XVIII в. (и продолжающих существовать до настоящего времени) незначительно – 2,7%. Для сравнения приводятся «вклад» других источников (по отношению к периоду): семантические изменения – 64,9%, словообразовательная деривация – 25,7%, заимствования из диалектов – 6,8%. Не вошли в общий итог (2,7%) те заимствованные лексические единицы, у которых на русской почве в результате семантических изменений появились ЭО лексико-семантические варианты (далее ЛСВ). Примером может послужить лексема *фонтан* [< итал. *fontana*, лат. < *fons (fontis)* ‘источник, ключ’] [6, с. 764], которая отмечена в первых десятилетиях XVIII в., ср.: *И, приехав, слез с лошади, потом пришел в зал (где сидит хан), который услан изрядными*

коврами, а остредине иной сделана **фонтана** [Переписка и дела во время посольства Артемия Вольнского (1716–1718)]. Современный ЭО ЛСВ ‘неиссякаемый, обильный поток чего-л. (речи, слов и т. п.)’ [3, с. 1429] появляется в результате семантического переноса и отмечено в произведениях художественной литературы (начиная со вт. пол. XIX в.).

В начале XVIII в. польский язык еще сохраняет на некоторое время свое влияние, являясь посредником между Россией и Западной Европой [5, с. 56]. В результате этого влияния в русский язык проникают некоторые ЭО единицы. Например, лексема *каналья* входит в лексическую систему русского языка в первые десятилетия XVIII в. (1717) через польский *kanalia*, французский *canaille* или непосредственно из итальянского *canaglia*. У слова отмечены два ЭО семантически близких значения: «1. *собир.* (пренебр.). Чернь, сброд, подлый люд. 2. (бран.). Негодяй, подлец [9, вып. 9, с. 231]. В литературном употреблении встречаем лексему во второй половине XVIII в. у Д. И. Фонвизина: [Улита:] *Непотребные канальи, бестии! Всех велю пересечь до смерти* [Д. И. Фонвизин. Недоросль (так называемый ранний «Недоросль») (1764)]. Возможно, слово воспринималось как исключительное ругательство уже в начале XIX в., ср.: *Если б «Недоросль», сей единственный памятник народной сатиры, «Недоросль», которым некогда восхищалась Екатерина и весь ее блестящий двор, если б «Недоросль» явился в наше время, то в наших журналах, посмеясь над правописанием Ф. Визина [Фонвизина. – Т. Н.], с ужасом заметили бы, что Простакова бранит Палашку канальей и собачьей дочерью, а себя сравнивает с сукою (!!).* «Что скажут дамы! – воскликнул бы критик, – ведь эта комедия может попасться дамам!» [А. С. Пушкин. Записные книжки (1815 – 1836)]. Лексикографически слово впервые фиксируется в словаре И. Нордстета (1780 г.) в форме *каналія* [7, с. 283]. Словарь Академии 1789 – 1994 гг. лексему не отмечает.

Польское влияние начинает уступать в силе немецкому, и до 40-гг. XVIII в. преобладало значение немецкого языка [5, с. 68]: в русский язык поступают заимствования из немецкого или из других языков при немецком посредничестве.

Лексема *шельма* ‘плут, мошенник, пройдоха’ [3, с. 414] заимствуется из немецкого от *Schelm* ‘плут’ [6, с. 809] в первые десятилетия XVIII в., т. к. встречается в указах Петра I уже в 1715 г.: *Кто из офицеров или рядовых с неприятелем тайную и опасную перетиску иметь будет, <...> оный имеет, яко шельм и изменник, чести, пожитков и живота лишен, и четвертован быть* [Петр I. Артикул воинский (1715)]. Как показывает пример, в первых

употреблениях заимствованная лексема полностью уподобляется своему этимону: в исходном языке *Schelm* ‘плут’ мужского рода. Однако уже в конце XVIII в. в литературном употреблении встречаем: <...> он, откровенно шутя со своими приятелями на собственный свой счет, называл себя *шельмою*, он так и слыл, таков и был в самом деле [И. М. Долгоруков. Повесть о рождении моем, происхождении и всей моей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве, 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году моей жизни. Ч. 3 (1788 – 1822)]. В дальнейшем слово синтаксически согласовывалось по роду с зависимым словом исходя из референтной отнесенности обозначаемого: ср.: <...> а вы *жену* мою знаете. Собачка *дрянь*, лает все, мерзкая, кусается, *поганая шельма*. С ней не сладить, с женой моей [В. А. Соллогуб. Теменевская ярмарка (1845)]; – *Каков шельма*, этот *немец*! [И. А. Гончаров. Обломов (1859)]. В. В. Виноградов связывает появление формы *шельма* с влиянием польского языка, за которым еще в первой половине XVIII в. сохранялось значение светско-аристократического языка [4, с. 713]. Версии о заимствовании формы *шельма* из польского также придерживается М. Фасмер: *шельма* < пол. *szelma* < ср.-в.-нем. *schēlma*; *шельм* < нов.-в.-нем. *Schelm* [11, с. 426]. Можно предположить, что на выбор в пользу одной из форм заимствованного слова в языке-рецепторе – *шельм* / *шельма* – оказал и внутриязыковой фактор. Многие существительные с негативной оценочной семантикой, появление которых датируется XVIII веком, являются существительными общего рода, ср.: *разиня*, *размазня*, *растрёна*, *рохля* и т. д. Стоит отметить высокую словообразовательную потенцию данной лексемы в русском языке, в результате которой возникло большое словообразовательное гнездо, фиксируемое современными словарями: *шельменок*, *шельмецкий*, *шельмин*, *шельмование*, *шельмоватость*, *шельмоватый*, *шельмоваться*, *шельмовка*, *шельмовской* (*шельмовский*), *шельмовство*, *шельмовый*, *шельмочка* [1, стлб. 1343 – 1345]. Глагол *шельмовать* является заимствованием периода Петровской эпохи из польского от *szelmować* [11, с. 426].

Многие заимствованные европейские слова помимо «отпечатка новшества» [5, с. 68] обладали нетипичной для русского языка фонетической формой, которая могла способствовать закреплению экспрессивной оценки в семантике слова. Примером может стать лексема *кляуза* ‘мелочная придирчивая жалоба, донос, наговор’ [3, с. 434], которая в XVIII в. заимствуется через польское *klauza* от латинского *clausula* ‘заключение’ [6, с. 339]. В Словаре Академии слово толкуется как ‘ухищрения, ябеды’ с пометой *простонар.* [8, III, стлб. 660]. Современный толковый словарь регистрирует большое словообразовательное гнездо,

образованное на русской почве: *кляуза, кляузный, кляузник, кляузница, кляузничать, кляузничество, кляузнический, кляузничество* с пометой *пренебр.* [3, с. 434].

Учитывая значительный общий объем иностранных слов, поступавших в русский язык на протяжении XVIII в. [2], становится очевидным, что вклад заимствований в пополнение современной ЭО лексики незначительный: во-первых, многочисленны были заимствования терминологической лексики [5, с. 59 – 63], такая лексика была однозначна, определена, не имела оценочных оттенков; во-вторых, ассимилирующие возможности лексической системы XVIII в. были значительно ниже, чем соответствующие возможности литературного словаря в последующий период [2, с. 333]; в-третьих, как было указано в самом начале, ситуация с заимствованиями была неустойчивой – языковые программы и установки, порой кардинально отличные, сменяли друг друга на протяжении всего XVIII века.

Таким образом, несмотря на значительный приток заимствованных слов в XVIII в., количество ЭО заимствованных лексических единиц, которые сохранились в современном литературном языке, незначительно.

1. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / редкол.: В. И. Чернышев (гл. ред.) [и др.]. – М. – Л., 1950 – 1965. – Т. 17: X – Я.
2. Биржакова, Е. Э. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования / Е. Э. Биржакова, Л. А. Воинова, Л. Л. Кутина. – Л., 1972.
3. Большой толковый словарь русского языка / Л. И. Балахонова [и др.]; под общ. ред. С. А. Кузнецова. – Санкт-Петербург, 2008.
4. Виноградов, В. В. История слов. Около 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных / отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М., 1994.
5. Виноградов, В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII – XIX веков / В. В. Виноградов. – М., 1982.
6. Крысин, Л. П. Иллюстрированный толковый словарь иностранных слов / Л. П. Крысин. – М., 2010.
7. Нордстет, И. Российский с немецким и французским переводами, Словарь сочиненный Надворным Советником Иваном Нордстетом / И. Нордстет. – Санкт-Петербург, 1780. – Ч. 1.: А – Н.
8. Словарь Академии Российской: в 6 ч. / редкол.: Е. Р. Дашкова (пред.). [и др.]. – Санкт-Петербург, 1789 – 1794. – 6 ч.
9. Словарь русского языка XVIII века: в 16 вып. / редкол.: Ю. С. Сорокин (гл. ред.) [и др.]. – М., 1975 – 2006. – 27 вып.
10. Сорокин, Ю. С. О задачах изучения лексики русского языка XVIII в. / Ю. С. Сорокин // Процессы формирования лексики русского языка (от Кантемира до Карамзина). – Л. – М., 1966.
11. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева; под ред. и с пред. Б. А. Ларина. – 2-е изд. – М., 1986 – 1987. – Т. 4: Т – Яшур.